

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ: ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Т.Н. ГРАНОВСКОГО

О.А. ЖУКОВА

Право на историю: к интеллектуальной биографии Т.Н. Грановского

Современное общество явно или неявно старается избавиться от бремени истории. Труд по изучению и философскому постижению прошлого кажется человеку «цифровой эпохи» избыточным. Обратная сторона подобного исторического индифферентизма – варваризация и архаизация высоких культур, нарастание хаоса внутри нового цивилизационного проекта глобального мира. Чем может быть полезно и интересно для современного философа истории и культуры интеллектуальное наследие Тимофея Николаевича Грановского, который в XIX в. призывал русское общество к трудной работе исторического самопознания, прививая на родной почве плоды европейской образованности во имя социального и нравственного прогресса? Что существенного может оно добавить к истории русской общественной мысли?

Грановский был выдающимся представителем русского европеизма. Европейская идентичность его историософских воззрений подтверждается метким определением роли Петра в судьбе Руси/России. Для Грановского Петр – это тот человек, «который дал нам право на историю»¹. Понятно, что право на историю в устах Грановского – это прямое указание на то, что именно европейскую историю, логику ее развития московский профессор считал определяющей во всеобщей истории. Путь образования русского общества Грановский напрямую связывал с западной научной традицией, указывая на «умственную связь России с европейской образованностью»². Говоря об успехах отечественной системы образования, Грановский подчеркивал: «Мы продолжали учиться у старших братьев наших, мы не отреклись от благ просвещения, но приобрели право критики и самостоятельного приговора»³.

Право исторической критики и рефлексии над основаниями собственного бытия русским обществом приобреталось долго и трудно. Процесс изменений социального порядка был чреват многочисленными драматическими сюжетами. Время жизни Грановского пришлось на Николаевскую эпоху с ее специфическим бюрократически-полицейским порядком. На интеллектуальное разложение, которое затронуло аристократический класс и правящие верхи, русское общество ответило появлением организаций, в идейной атмосфере которых формировалось мировоззрение Грановского. После того, как правительство «разобралось» со студентами-смутьянами, превратив

их в политических заключенных и ссылке, пути русской молодежи стали расходиться. Размежевание отныне пошло по линии исторического самоопределения России, цивилизационного выбора путей ее развития в духе прославянского самобытничества Руси/России — с одной стороны, и универсализма западно-европейской культуры как основы русской цивилизации — с другой.

Это идейное расхождение некогда близких по воззрениям людей стало *осевой развилкой в истории общественной мысли России*, разделив русских интеллектуалов на почвенников и западников. Давая характеристику Грановскому, в XXIX главе «Былого и дум» А.И. Герцен многозначительно подчеркнет, что сила влияния его личности и его научной деятельности была новой общественной и нравственной альтернативой лицемерному официозу, выражая «постоянный, глубокий протест против существующего порядка в России»⁴.

Славу и популярность московскому профессору всеобщей истории принес публичный курс лекций. В нем, по сути, Грановский в скрытой форме ставил вопрос об исторических путях развития России, вступая в очевидную конфронтацию с официальной идеологией. В лекциях Грановского история представляла как текст, требующий внимательного чтения и интерпретации — обязательной процедуры понимания и прояснения смысла происходивших и свершающихся событий, т.е. *личных интеллектуальных усилий, сопряженных с поисками истины, а значит и с пересмотром устоявшихся исторических клише*. По мысли Грановского, испытывавшего сильнейшее влияние Гегеля, история — это такой процесс, который репрезентирует разумное развитие человечества, накапливающее в своем социальном опыте и памяти понятия и идеи. В этом смысле история науки становится частью социальной истории, демифологизируется, обретая новый источник развития и движущую силу — человеческий разум. Тем самым ее субъектом становится личность, имеющая право на индивидуальный выбор, другими словами, на *свою собственную идею*. По словам Б.Н. Чичерина, Грановский, делая необходимое историографическое введение к своему курсу, «с удивительной ясностью и широтой излагал движение идей»⁵.

Характерно, что поворот в интеллектуальной биографии Грановского связан именно с запросом на философский тип познания и осмысления действительности. В письме к Н.В. Станкевичу из Вены от 15 июля 1838 г. Грановский пишет: «Время, посвященное мною в Берлине философии, решительно потеряно. Я ничего порядочно не понял и даже хорошо не осмотрелся в науке. Зимой я не успею много сделать, потому что буду работать над диссертацией, а необходимость философии для меня я час от часу все более чувствую. Я теперь очень понимаю, что есть богатые натуры, которые вовсе не нуждаются в философии: они переносят свое внутренне единство на внешний мир,

а у меня наоборот — я должен извне усвоить себе внутренне единство и согласие. Только по достижении этой цели могу я сделать что-нибудь хорошее — по моим требованиям — для истории. Из одностороннего, следовательно, бесплодного, политического направления я должен вырваться»⁶.

Об острой потребности в философии Грановский говорит и в другом письме к близкому другу Григорьеву: «Мы недалеко ушли в науке, но в жизни еще менее продвинулись... Мир Божий хорош и разумен, только на него нужно смотреть разумными очами, друг Вася. А у нас у обоих часто преглупые очи. Хаос в нас, в наших идеях, в наших понятиях — а мы приписываем его миру... Кто смотрит на мир разумно, для того и он смотрит разумно, говорит Гегель. И это едва ли не величайшая истина, сказанная им.

...Работай, воспитывай себя; готовься к разрешению великих вопросов, — продолжает наставлять друга Грановский. — Я делаю то же. Для этого недостаточно читать книги. А надобно почаще беседовать с собою. Займись, голубчик, философией... Это вовсе не пустая, мечтательная наука. Она положительнее других и дает им смысл. Что ты утратил веру, в этом я не вижу большой беды. Напротив — эта вера возвратится к тебе, но уже очищенная, вовсе не похожая на ту, которая переходит к нам от отца или деда... Учись по-немецки и начинай читать Гегеля. Он успокоит твою душу. Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетворительного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что теперь доступно знанию человека, и самое знание, у него чудесно объяснено»⁷.

Концепция истории, которая рождается в традиции философского постижения общественно-исторического бытия человека, восходит к Гердеру, Канту, Шеллингу и кульминирует в гегелевской философии истории. Эту установку на философизацию исторического дискурса, преодолевающую ограниченность трактовки истории как непротиворечивого, по существу, легендарного культурного предания, Грановский подтвердит, анализируя текущее состояние исторической науки: «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление ко всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться»⁸.

В статье «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году», анализируя книгу Ад. Шмидта «История свободы исповеданий и мысли в первое столетие империи и христианства», Грановский дает очень емкое определение философии, заимствуя по аналогии определение истории, данное Шлегелем: «Выражение, которое Фридрих Шлегель употребил, говоря об истории, можно справедливо отнести и к философии: она есть пророк, обращенный к минувшему. Она идет за историей, как сознание за поступком»⁹.

Целенаправленный процесс истории характеризуется Грановским в терминах прогрессивного развития человечества. Как отмечает историк, «весь прогресс человечества заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель его бытия яснее и определеннее»¹⁰. Тем не менее, Грановский достаточно трезво оценивает границы философии истории. «Слабая сторона философии истории, в том виде, в каком она существует в настоящее время, заключается, по нашему мнению, в приложении логических законов к отдельным периодам всеобщей истории. Осуществление этих законов, — добавляет Грановский, — может быть показано только в целом, а не в частях, как бы они ни были значительны»¹¹. Историю нельзя вывести из законов разума, любые умозрительные построения будут разбиваться о реальный ход событий и явлений. Однако Грановский ясно осознает чрезвычайно сильную зависимость истории от господствующих философских систем, поскольку концептуальные наработки философии становятся общим методологическим и идейным базисом образованного сословия. Из этой «умственной среды заимствует историк свою точку зрения и мерло, прилагаемое им к описываемым событиям и делам», — делает вывод Грановский¹².

Ученый-историк категоричен — без всеобщей истории философия истории даже не может быть предметом отдельного рассмотрения. Умозрительные поправки могут носить произвольный характер, порождать новые политические мифы, в то время как «великие события, как бы они ни были далеки от нас, продолжают совершаться в своем дальнейшем развитии, т.е. в своих результатах, и никак не должны быть рассматриваемы как нечто замкнутое и вполне оконченное»¹³.

Не трудно заметить, что внутренним оппонентом Грановского является панлогизм гегелевской философии истории, сводящий живой исторический процесс к жесткой логической схеме. В берлинский период ученичества у великих европейских авторов гегелевская диалектика исторической закономерности стала основой историософских воззрений Грановского. Однако как настоящий ученый, наделенный исследовательской интуицией, Грановский был далек от доктринального применения выводов гегелевской философии. Она дала ему главное — *ощущение большого исторического времени — единства развития человечества*. В истоке такого исторического мирозерцания — христианская перспектива судеб мира. По мнению Грановского, всеобщей истории языческий мир не знал — такое представление «могло возникнуть не иначе, как под влиянием христианства»¹⁴. А носителем этой традиции, и, следовательно, источником поступательного движения и лидером исторического процесса оказывалась европейская цивилизация. На этой онтологической основе Грановский строил свою методологию изучения истории.

2. От философии истории к философии культуры

Согласно Грановскому, принцип научного познания истории состоит в выделении двух сторон жизни человеческого общества — внешней, организуемой государством, и внутренней, организуемой религией. Предметом рассмотрения являются «великие люди, цвет народа, которого дух в них является в наибольшей красоте; между событиями — великие перевороты, которыми начинаются новые круги развития; между положениями — те, в которых развитие достигает полноты своей; наконец, между формами — великие общества, в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается: церковь и государство»¹⁵.

Можно заметить, что Грановский совершает логический *переход от философии истории к философии культурной истории и, собственно, к философии культуры*. Не случайно в своей знаменитой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (12 января 1852 г.) Грановский замечает, что «самые меткие и глубокие мысли об истории высказаны Гегелем не в философии истории, а в других сочинениях: в феноменологии духа, в эстетике, философии права и т.п.»¹⁶ В этом ряду стоит и его требование обращать внимание на историческую литературу, беллетристику, на «положительные науки», поскольку в «этих сферах быть может звучнее, чем в поэзии, отзывалась современность»¹⁷.

На наш взгляд, можно сделать следующий логический шаг и реконструировать философию культуры Грановского. Как представляется, она строится на методологическом базисе философии истории и имеет четыре проекции.

Первая проекция — телеологическая, признающая за историей цель и смысл развития человеческого общества, возникающую в христианской перспективе, что сохраняет метафизическую координату исторического процесса и выводит нас также в предметную область теологии культуры.

Ярким примером провиденциальной трактовки истории служит эпизод, отмеченный в воспоминаниях Я.М. Неверова. В ответ на критику со стороны польской аристократической молодежи в адрес России молодой русский барин Иван Тургенев вскипел, а Грановский произнес речь, которая не только примирила обе стороны, но и наполнила их лучшими патриотическими чувствами. Грановский отослал участников конфликта к метафизическому аргументу — к роли Провидения в истории, определяющего судьбу народов и государств. «В великом вопросе: кому из двух главных племен славянских стоять во главе славянского развития, — произнес Грановский, — судьба решила в пользу России. Если им извинительно сожалеть о том, что Провидение предпочло им нас, то непростительно было бы нам гордиться этим предпочтением, потому что мы здесь только орудие той

воли, которая дала нам силу для высших целей, и наша слава должна заключаться не в том — кому из народов славянских вести славянскую семью по пути развития ее исторического, но в том, чтобы исполнить волю Провидения и поставить славян во главе исторического развития»¹⁸.

Вторая проекция — аксиологическая, рассматривающая исторический процесс в терминах нравственного и умственного развития человека, общества, народов, стран, подчеркивающая роль индивидуализации человеческого разума в истории и ставящая проблему личной ответственности за свой жизненный выбор и поступки.

Аксиологическое измерение исторических событий, их *моральная оценка* выходит в рассуждениях ученого и лектора на первый план. «Всеобщая история более, чем всякая другая наука, — говорит Грановский, — развивает в нас верное чувство действительности и ту благородную терпимость, без которой нет истинной оценки людей. Она показывает различие, существующее между вечными, безусловными началами нравственности и ограниченным пониманием этих начал в данный период времени. Только такую мерю должны мы мерить дела давно отживших поколений»¹⁹.

Заметим, что это требование нравственного начала в человеке Грановский предъявлял не только к историческим событиям и личностям. Он руководствовался им и в жизни. Интересны в этом отношении характеристики людей, которых Грановский близко знал и мог оценить. Так, он ужасается аморализму Бакунина: «Странный человек этот Бакунин: умен, как немногие, с глубоким интересом к науке — и без всяких нравственных убеждений. В первый раз встречаю такое чудовищное создание»²⁰, — и как будто предугадывает будущую судьбу «официального спикера» лагеря охранителей Каткова: «Катков человек с дарованиями, но сухой и самолюбивый до крайности». Позже, сомнительные личные качества Каткова, подмеченные Грановским, расцвели на почве самодержавной риторики консервативных правящих кругов и были поддержаны и культивированы властью.

Третья проекция — педагогическая, затрагивающая область философии образования и философской антропологии.

Педагогическая деятельность, несомненно, может быть поставлена в огромную заслугу Грановскому. Его отличала исключительная любознательность, широта кругозора, постоянное желание познавать. Идея путем познающего разума, Грановский хотел привить эту мотивацию личности, характеризующую человека культуры модерна, и своим ученикам. Цель получения знания, согласно Грановскому, — «быть полезными гражданами и деятельными членами человечества. Возбуждение к практической деятельности — вот назначение истории»²¹. Обратим внимание на важный культурфилософский тезис Грановского. Он связан с идеей избавления человека

от варварских состояний и обычаев, что входит в миссию цивилизованных, христианских государств. Для Грановского проводником образованности и гражданственности является христианское государство. Этим выводом он заключил свое чтение о завоевателе Тимуре, указывая, что Россия как христианское государство «вносит в юрты дикарей истинную веру и неразлучные с нею образованность и гражданственность»²². И в качестве примера Грановский приводит победу русских войск, освободивших Европу от ига Наполеона, когда башкиры и калмыки стояли «рядом за одно дело с самыми благородными и просвещенными юношами Германии»²³.

Грановский — человек университетской культуры, который выполнял в России миссию европейского университета, наиболее полно воплотившуюся в кантовско-гумбольдтовской модели образования. Перенос европейскую идею университетского образования и научного познания истории на русскую почву, Грановский обогатил ее этическими коннотациями: «Вопрос о теоретическом значении истории, о приложении ее уроков к жизни... находится в тесной связи с задачей нравственного и умственного образования, следовательно, с целою частию будущих поколений»²⁴.

Грановский считал, что нужно культивировать разумные начала, ибо они способствуют развитию личности. Другими словами, в деле образования Грановский выбирал *стратегию разума*, идущую от просветительского проекта модерна. В случае с русской историей задача просвещения связывалась с «посевом» добрых начинаний, способных исправить уродливые безобразия русской жизни. Тем самым через воспитание исторического самосознания московский профессор предлагал программу обновления российской жизни, апеллируя к человеческой разумности. Поэтому и старый метод обучения для него не годился. Грановский справедливо утверждал, что нужно обращаться не только к памяти, но и к мышлению²⁵.

Показательно, что при таком подходе вопрос об образовании неизбежно становился политическим. Грановский напрямую связывал историческое знание с политической практикой. В республиканском Риме, подчеркивал он, «без обширной исторической образованности... невозможна была никакая политическая деятельность»²⁶. Парадокс, но попытка правительства устранить классическое гимназическое образование, стоящее на фундаменте греческого и латинского языков, была не в последнюю очередь продиктована политическим страхом распространения демократических и республиканских идей Древней Греции и Рима, на что Грановский и указал, выступив в защиту классической гимназии. Как это напоминает сегодняшние обвинения в адрес интеллектуалов-гуманитариев! С одной стороны — «оторванность от жизни», бесполезность, с другой — оппозиционные умонастроения. Тогда же, после очередной европейской революции русская

власть, по словам Грановского, едва ли не возложила на классическое образование ответственность за «страшный переворот, до дна возмутивший жизнь европейского общества»²⁷.

Подчеркивая огромное духовно-нравственное значение гуманитарных дисциплин как каналов передачи высших ценностей и идеалов культурной истории человечества, гуманист Грановский вспоминал евангельскую формулу: «Не хлебом единым жив человек». Решительный перевес положительных, применяемых к материальным сторонам жизни знаний над теми, которые развивают и поддерживают в сердцах юношества любовь к прекрасным, хотя, может быть и не осуществимым идеалам добра и красоты, неминуемо приведет европейское общество к такой нравственной болезни, от которой нет другого лекарства, кроме смерти»²⁸.

Четвертая проекция — эстетическая, включающая художественно-творческую составляющую в многообразные социальные практики.

Пожалуй, этот аспект философии культуры Грановского наиболее ярко характеризует личные эстетические предпочтения выдающегося историка, его увлечение светскими формами европейской культуры. Грановский с юности был покорен музыкой, оперой, много времени проводил в театре. Как вполне романтическая натура, он имел и опыт написания стихов, тонко чувствовал музыку и поэзию, был способен оценить актерское искусство, любил сам дух театра, находя в этом «истинную человеческую потребность». Грановский восхищался Шекспиром, Шиллером, Тацитом, которого читал в большей степени не как историка, а как художника слова. Относился к музыке как к своему душевному прибежищу — спасительнице от хандры и отчаяния. В пору душевных терзаний он признавался сестре: «В этом отношении я похож на Саула: когда овладевает мною злой дух, я иду слушать хорошую музыку и делаюсь снова спокойным и довольным миром и собою»²⁹.

Многообразные стороны личности Грановского предопределили тот факт, что ему стало тесно в рамках традиционного исторического подхода, главным предметом рассмотрения которого оставалась политическая жизнь. Он интуитивно почувствовал острую необходимость вырваться за пределы этой методологии исторического познания. В письме к Неверову из Вены Грановский замечает: «Меня почти исключительно занимает развитие политической формы и учреждений. Это одностороннее направление, но я не могу из него вырваться»³⁰.

Позже в своей педагогической практике Грановский будет последовательно реализовывать сформировавшуюся у него *позицию человека культуры*, любившего театр, музыку, поэзию, философию: «Задача педагоги состоит в равномерном (гармоническом) развитии всех способностей учащегося, из которых ни одна не должна быть при-

несена в жертву другой»³¹. Исповедуя гуманистические принципы, Грановский предвидит опасность развития западной цивилизации, в которой начинают преобладать прагматические цели и интересы и доминировать такой тип научного знания, который освобождается от вопросов нравственного совершенствования человека и общества. Так, по выражению Грановского, естествоведение «много содействовало к развитию в образованном поколении Запада той безотрадной и бессильной на великие нравственные подвиги положительности, которая принадлежит к числу самых печальных явлений нашей эпохи»³². Кредо профессора: «Требования жизни бесконечно разнообразны: на них можно отвечать только всесторонним развитием всех сил, которых зародыши положены творцом в духе человека»³³.

В своей научной и педагогической деятельности Грановский предстает последовательным защитником ценностей христианской культуры, выступая за синтез духовного и разумного начал в человеке. По его мнению, в истории нужно искать, прежде всего, «духовных средств против загробления сердец и умственного упадка»³⁴.

Культурфилософский подход обнаруживает себя в поиске нового метода исторического познания, на необходимость которого указывает Грановский: «У истории две стороны: в одной является нам свободное творчество духа человеческого, в другой — независимые от него, данные природою условия его деятельности. Новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии. Только таким образом можно достигнуть до прочных, основных начал, т.е. до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий»³⁵.

Многообразие социальных и культурных практик — вот что видит предметом описания историк Грановский: «Самый круг исторических источников беспрестанно расширяется. Сверх словесных и письменных свидетельств всякого рода, от народной песни до государственной грамоты, он принимает в себя памятники искусства и вообще все произведения человеческой деятельности, характеризующие данное время или народ. Можно без преувеличения сказать, — добавляет Грановский, — что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подверглась земная жизнь человечества»³⁶. Таким образом, *всеобщая история, как ее понимает Грановский, — это культурная история человечества*, раскрывающаяся во множестве социальных, политических, экономических, духовных, художественно-эстетических и научных форм человеческой деятельности.

Научная и просветительская работа Грановского изменила жизнь целого поколения мыслящих людей, которые посвятили свой труд исправлению застарелых болезней российского социума, благо для

них реформами Царя-освободителя открылась такая возможность. Благодаря своим публичным чтениям Грановский занял место идейного лидера и коммуникатора эпохи, включаясь в работу по формированию публичного пространства в России, вынося идейные споры за пределы салонов и дружеских кружков. Напрямую обратившись с профессорской кафедры к современникам, Грановский пытался донести до них мысль о том, что исторический опыт народов хранит духовно-эстетические ценности и нравственные идеалы, связывая временное и вечное в индивидуальной и общественной жизни. Социальный и культурный прогресс – таким видится Грановскому смысл и назначение истории, конечные судьбы которой находятся в руках Провидения. Поэтому на исторический процесс развития обществ ученый и просветитель Грановский налагает бремя нравственной рефлексии, без которой сложная научная работа по изучению и пониманию прошлого кажется несостоятельной. Эта задача стоит и перед нами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 421 – 422.

² Там же. С. 454.

³ Там же.

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. – М.: Захаров, 2003. С. 446. К оценке лекций Грановского Герцен будет еще неоднократно возвращаться в своем дневнике (записи от 28 ноября, 1, 11, 21 декабря 1843 г.).

⁵ Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. – М., 1929. С. 45.

⁶ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. Переписка Т.Н. Грановского. – М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1897. С. 358.

⁷ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. I. Биографический очерк. – М., 1897. С. 60 – 61.

⁸ Цит. по: Кареев Н.И. Историческое мирозерцание Грановского. Речь на торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского Университета 8 февраля 1896 г. – СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1896. С. 13.

⁹ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. С. 198.

¹⁰ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. – М., 1961. С. 45.

¹¹ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. С. 445.

¹² Там же. С. 446.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 435.

¹⁵ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 46 – 47.

¹⁶ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. С. 447.

¹⁷ Там же. С. 201.

¹⁸ Там же. С. 480.

¹⁹ Там же. С. 451.

²⁰ Там же. С. 359.

²¹ Отечественные записки. 1958. № 8. С. 93 – 94.

- ²² Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. С. 80.
²³ Там же.
²⁴ Там же. С. 432.
²⁵ Там же. С. 455.
²⁶ Там же. С. 432.
²⁷ Там же. С. 456.
²⁸ Там же. С. 458.
²⁹ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. I. Биографический очерк. С. 55.
³⁰ Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. С. 489.
³¹ Там же. С. 459.
³² Там же.
³³ Там же. С. 460.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же. С. 449.
³⁶ Там же. С. 437.

Аннотация

Т.Н. Грановский, один из самых выдающихся русских историков, оказал значительное влияние на интеллектуальную историю России и Европы. В статье автор анализирует интеллектуальное наследие историка, его философию истории и культуры, комментирует некоторые аспекты формирования европейских культурно-политических идеалов в российском историческом контексте.

Ключевые слова: традиция, либерализм, политический, культура, история, исторический, философия, интеллектуальный, самосознание.

Summary

T.N. Granovsky, one of the most prominent Russian historians, has had a significant impact on the intellectual history of Russia and Europe. In the article the author examines the intellectual heritage of the historian, his philosophy of history and culture. The author comments on some aspects of forming of European cultural and political ideals in the Russian historical context.

Keywords: tradition, liberalism, political, culture, history, historical, philosophy, intellectual, self-awareness.